

прожити життя, реалізуватись, необхідно посадити дерево, збудувати дім, виростити сина [14, с. 137]: «конче треба залишити *дерево* сина афоризм» (Калинець).

Елементами структури концептів предметних імен виступають синтагматичні відношення. Іменники, як правило, сполучаються з прикметниками-означеннями та дієсловами-присудками. Лексема *дерево* характеризує широкий діапазон означень, серед яких вказівки на колір (зелене, жовте, золоте, чорне, біле, темне тощо), на вік, розмір, форму (молоде, старе, високе, розлоге, струнке, крилате, пишне), на стан та якість (зрубане, голе, безлисте, зламане, холодне, зимове, одиноке, міцне, плодюче), на особливості психологічного сприйняття, враження (сумне, нещасне, жалобне, рідне), наявні термінологічні сполуки (вишневе, горіхове тощо) та ін. Типовими предикатами лексеми *дерево* виступають назви стадій та особливостей росту (рости, цвісти, в'янути, всихати, стояти, ламатися, падати, шуміти, шелестіти тощо), але в поетичній картині світу частотні (близько 50%) предикати, характерні для людей, вони свідчать про тенденцію до персоніфікації (співати, шепотіти, ридати, слухати, зітхати, розмовляти, забувати, дивитись, спати, сповідатися тощо). «Кому сповідаються *дерева* осінньої ночі, скидаючи з себе листя» (Ірина Калинець). *Дерево* може виступати об'єктом дії людини, що його садить, обкопує, доглядає, рубає, пиляє тощо.

Номен *дерево* входить до складу кількох фразеологічних одиниць: не бачити за деревами лісу (в основі – відношення між дрібним і великим), деревина необтесана (про невиховану людину – перенесення за подібністю), плювати з високого дерева (не зважати на що-небудь), розткатися думками по древу (книжн. довго розумувати, дуже детально розповідати), як шашіль дерево (сильно псувати). «Душу так мою навкруг, мов шашіль *дерева* кору, журба обточує журиліва» (Різниченко). Епідігматичні відношення полягають у можливості додавання суфіксів -ц-, -ян, -ин-, префікса пра-, меліоративна морфема привносить конотацію зменшення, рідко – пестливості, іноді надає негативне звучання, оскільки іманентною ознакою дерева виступає міцність, а тут ця ознака заперечується. «Летіли ми на свято до Канади, Везли з собою вугле *деревице*» (Павличко). Прикметник *дерева яний* має пряме значення «зроблений з дерева» та переносне «позбавлений ознак життя, нерухомий, неживий, тупий; позбавлений емоцій, невиразний» [6, с. 733]. «А потім повинь позмивала попіл моєї *дерева яної* Венеції» (Костенко). В основі переносного значення лежить одна з нечисленних негативних характеристик дерева – холодність, відсутність чуття. На відсутності розуму в рослини акцентується увага в побутовій картині світу, внаслідок чого з деревом порівнюють тупу людину, в поетичній МКС таке явище не спостерігається.

Макроконцепт *дерево* почав формуватись ще в первісному суспільстві, яке було носієм міфологічної картини світу. За тривалий час свого творення структура макроконцепту змінювалась в бік профанності, до ХХ ст. сакральні елементи майже не збереглись. Зараз до ядерної частини належить поняття, характеристики зовнішнього вигляду, якісні ознаки (переважно позитивні), основні функції, типові локуси. Властивістю поетичної МКС виступає тяжіння до персоніфікації, дерева порівнюються з людьми, наділяються людськими властивостями. Символічних значень мало (міцність), лексема *дерево* вступає в синтагматичні та епідігматичні зв'язки, входить до складу фразеологічних одиниць.

Джерела й література

1. Воркачев С. Г. Лінгвокультурологія, мовна особистість, концепт: становлення антропоцентричної парадигми в мовознавстві // Филологічні науки, 2001. – № 1.
2. Етимологічний словник української мови. В 7 т. – К., 1985. – Т. 2.
3. Коляда Т.Ф. Інтенціональний світ поезії Л.Костенка. – Одеса, 1999.
4. Кубрякова Е. С., Дем'янюк В. З., Панкрац Ю. Г., Лузіна Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
5. Маковский М. М. Т. В. Топорова Семантическая структура древнегерманской модели мира // Вопросы языкознания. – 1996. – № 4.
6. Новый тлумачний словник української мови в 4 т. – К., 1999. – Т. 1.
7. Радзівська Т. В. Сценарний та оцінний компоненти концептів етичної сфери (на прикладі концепту *grix*) // Лінгвістичні студії: Зб. ст. – Черкаси, 2002. – Вип. 4.
8. Рябцева Н. К. «Вопрос»: прототипическое значение концепта // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991.
9. Селиванова Е. А. Когнитивная ономастология. – К., 2000.
10. Селиванова Е. А. Принципы концептуального анализа // Актуальні проблеми менталінгвістики: Наук. зб. – К., 1999.
11. Словник символів культури України/За ред. В.П. Кочура. – К., 2002.
12. Сукаленко Н. И. Чувственная система познания как важнейший фактор формирования языковой картины мира // Вісник Харківського державного університету. Серія романо – германської філології. – Харків, 1999. – № 430.
13. Шевченко Л. І. Інтелектуальна еволюція української літературної мови: теорія аналізу. – К., 2001.
14. Шейніна Е. Я. Энциклопедия символов. – М., 2002.
15. Яковлева О. В. Термінологічна база та герменевтичний метод у дослідженнях трансформації ідеологем // Мова і культура. Наук. щорічний журнал. – К., 2004. – № 7. – Т. IV. Ч. I. Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту.

Ройтман Т.

О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ РУССКО-ИВРИТСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Изменения, происходящие в языке представителей русской диалекты с давнего времени представляли интерес для лингвистов, и внимание к этому усиливается с расширением миграционных процессов и вовлечением в них новых стран и, соответственно, новых языков, вступающих в контакт с русским языком.

Ведь все процессы, протекающие в языке за территориальными пределами его основного функционирования, в данном случае за пределами России, в той или иной степени влияют на русский язык, и не всегда это влияние оказывается благотворным, обогащающим язык. Во многих случаях мы оказываемся свидетелями нарушения не только грамматических и стилистических норм русского языка, но и создания некоего заместителя русского языка, своеобразной смеси русского с английским, немецким или, в нашем случае, с ивритом.

В данной статье мы остановимся на некоторых аспектах взаимодействия и взаимовлияния двух языков: иврита и русского, связь между которыми имеет довольно богатую давнюю историю и не менее интересное настоящее.

Проблематика русско-ивритских языковых контактов – обширная и во многом еще не исследованная область. И несмотря на то, что ее рассмотрению посвящен ряд работ израильских ученых-славистов [1; 3; 5], она по-прежнему остается актуальной и ставит перед исследователями новые интересные задачи.

Нет сомнения, что, говоря о русском и иврите, мы говорим прежде всего о разных языковых системах с различным лексическим запасом, особым строем синтаксиса и грамматики. Так насколько русский и иврит разные миры? И следует ли учитывать фактор культурной близости или отдаленности двух языков? И если существует определенное родство, то как оно может быть использовано, например, при обучении ивритоговорящих студентов русскому языку, а русскоговорящих – ивриту? Как это следует использовать при переводах литературных произведений с русского на иврит и с иврита на русский? Знание отличий в грамматических и синтаксических системах, а также языковых элементов, сближающих эти языки (если таковые элементы имеются) является необходимым условием для успешного овладения обоими языками.

Тот факт, что русский и иврит языки разные, – бесспорен. Иврит – семитский язык, 17 столетий остававшийся только письменным языком и не использовавшийся в качестве разговорного с конца II века н. э. Русский же язык на протяжении всей его истории развивал обе формы – и письменную и устную.

Возрождение иврита началось немногим более ста лет назад, когда в 1881 году в Эрец-Исраэль приехал выходец из Литвы Элизер Бен Йегуда (Перельман), который и явился человеком, поставившим своей целью возродить древний иврит в качестве разговорного языка.

Так что же сближает эти два языка?

Прежде всего следует отметить влияние русской культуры и русской литературы на сам иврит и на ивритскую литературу. Это влияние было особенно заметным на первых этапах возрождения иврита и возникновения художественной литературы на иврите, а также в переводах с русского языка на иврит. В 20-40-е годы прошлого века статус русского языка в Палестине был очень высок, выше английского и других европейских языков.

Можно смело утверждать, что формирование новой ивритской литературы, первыми авторами которой стали выходцы из России (Менделе Мохер Сфарим, Хаим Нахум Бялик, Лея Гольдберг, Рахель, Александр Пэн) проходило под прямым влиянием русской литературы.

Важным фактором в возрождении иврита и становлении ивритской литературы были переводы со славянских языков, в основном, с русского. В 1930 г. известный ивритский лингвист Йцхак Авинери, опасаясь губительного влияния русского языка на формирование еще неокрепшего разговорного иврита, писал: «...Удар по ивриту наносит русский патриотизм, культивируемый в стране. Стоит появиться какому-нибудь фильму, в котором звучат слова «Россия», «Волга», «бурлаки», «казаки», «мужики», как все евреи Палестины от мала до велика бегут услаждать себя русским духом [1; с. 96].

Таким сильным влиянием русского языка и культуры на иврит сохранялось в Израиле до 50-х годов прошлого века. Были переведены на иврит многие произведения классиков русской литературы, отдельные авторы переводились неоднократно, и сейчас продолжается интенсивная переводческая деятельность, появляется много переводов современной русской прозы и поэзии.

Так в чем же конкретно заключалось влияние русского языка на иврит на первых этапах их взаимодействия?

В первую очередь, оно коснулось лексико-семантической системы и было связано с заимствованием слов, возникновением лексических, семантических и фразеологических калек. Следует отметить, что прямых заимствований из русского языка в иврит не так уж много, большинство заимствованных существительных и междометий проникло в иврит через идиш, являвшийся языком-посредником не только при заимствовании из русского языка, но и из других славянских языков. Сфера употребления таких слов обычно ограничена просторечием [3; с. 172]: *балаган, бардак, хулиган, халтура, тарарам, пух, самовар, рубашка, жлоб, жулик, бандит, розатка, чубчик, ха-ха, тьфу, ну* и т. п.

Некоторые из этих слов вышли или выходят из употребления, другие же зафиксированы в современных словарях [5]: *балаган* – беспорядок, *бардак* – суматоха, неразбериха (оба с пометой **сленг**), *халтура* – дополнительная работа (с пометой **просторечие**), *тарарам* – шум, суматоха (**сленг**), *пух, самовар, чубчик* – маленькая деталь чего-л. (**сленг**), *бандит* – *разбойник (устар.)*, и второе значение – баловник (**сленг**), *рогатка (детск. сленг)* и др.

Вот некоторые лексические кальки с русского языка: *босьяк /яхфан/, ячница /бэйция/, бельё /лэваним/, словарь /милон/, аттестат зрелости /тэудат багрут/, настроение /мацав руах/, грузовик /масант/, пробка /пкак/, а также названия болезней: свинка /хазэрэт/, краснуха /адэмэт/, желтуха /цаһэвэт/. (В скобках дана транскрипция ивритских слов).*

Значительный по объему пласт заимствований представляют фразеологические кальки, которых в иврите примерно 400-500 /2, 145-150/:

Что с тобой? /ма итха?/, иными словами /бэмиллим ахэрот/, заварить кашу /лэвашэль дайса/, золотые руки /едэй заһав/, у разбитого корыта /лифнэй шокэт швура/, падать с ног /липоль мэһараглаим/, на воре шапка горит /аль рош һаганав бээр һакова/, между молотом и наковальней /бэйн һапатиш вэһасадан /, шила в мешке не утаишь /яца һамарцэ мин һасака/, сдирать шкуру /лифшот эт оро шэль /, не за что /эйн бэад ма/, в глазах потемнело /нааса хошэх бэййнаим/.

В иврит вошли отдельные грубые слова и обороты из русского языка (наряду с заимствованиями подобной лексики из арабского), но их не так много, и зачастую в иврите они теряют свою грубую окраску.

Суффиксы – *-чик, -ник, -ист*, заимствованные ивритом из русского языка, являются довольно продуктивными, особенно при образовании разговорной и сленговой лексики. Они настолько вписались в грамматическую систему иврита, что не ощущаются носителями языка, как заимствования. Вот некоторые из слов, образованных при помощи этих суффиксов: *член киббуца /кибуцник/, солдат погранвойск /магавник/,*

житель поселка /мошавник/, человек, занимающийся ремонтами /шипуцник/, назойливый человек /нудник/, ничтожество (клумник), паренек (бахурчик), небольшая деталь чего-л. /чубчик/, очень маленький человек или предмет /катанчик/, человек, пользующийся попутными машинами /трэмпист/.

Таковы очень краткие сведения о влиянии русского языка на иврит в относительно недалеком прошлом, если таковым считать столетний период в развитии языка.

Но существует еще одна сторона в отношениях русского языка и иврита – влияние иврита на русский язык. Мы коснемся основных процессов, связанных с этим влиянием, которое проявляется прежде всего в наличии в русском языке калек с иврита, проникших туда в результате перевода Библии и других священных книг.

Эти заимствования проникли в русский язык опосредованно через греческий перевод Танаха-Септуагинту, выполненный в III в. до н. э. и впоследствии (в XIX в.) переведенный греческими монахами Кириллом и Мефодием с с древнегреческого на церковнославянский.

Кроме этого, в конце XV – начале XVI века на Руси появилось множество прямых переводов с иврита на русский, что было вызвано общеевропейской тенденцией эпохи Возрождения изучать Библию в оригинале, т. е. на иврите [3; с. 161].

Вот примеры некоторых фразеологизмов библейского происхождения, знакомых всем носителям русского языка (по подсчетам проф. И. Гури, таких калек более ста):

Глас вопиющего в пустыне /коль корэ бамидбар/, святая святых /кодэш хакодашим/, не хлебом единым жив человек /ло аль халэхэм лэвадо ихье хаадам/, носил на руках /наса аль капанм/, лицом к лицу /панм эль паним/, всей душой /бэхоль нафшэха/, сложна руки /бэхибук ядаим/, краугольный камень /эвэн пина/, прошел огонь и воду /ба баэш увамаим/, умыл руки /рахац бинькаён капав/.

Из иврита в русский были заимствованы церковные имена и географические названия Святых мест, претерпевшие фонетические и морфологические изменения, что было связано с влиянием языка-последника – древнегреческого. В определенных случаях перемена их фонетического облика была вызвана отсутствием в древнегреческом некоторых звуков (ивритский звук **ш** передавался при помощи сигмы, обозначающей звук **с**, звук **т** передавался через букву **тета**, которая в то время передавала звук **ф**, ивритский звук **б** передавался как **в**, звук **ц** передавался через звук **с**, ивритский звук **п** передавался через букву, обозначающую звук **ф**). Так в переводах Библии и в церковной традиции появились следующие слова: *суббота* вместо ивритского слова **шабат**, *Иерусалим* – на иврите **Ерушалаим**, *Соломон* – **Шломо**, *Иисус* – **Ешу**, *Вифлеем* – **Бет-Лэхэм**, *Голгофа* – **Гульгота**, *гора Фавор* – **Тавор** (сюда же относятся слова **митос** и **митология** вместо русских *миф* и *мифология*, а также **Этиопия** вместо *Эфиопия*). *Вавилон* на иврите **Бавель**, *Вениамин* – **Бенъямин**, *фарисеи* – **прушим**, *Сион* – **Цион**, *Исаак* – **Ицхак**, *Назарет* – **Нацерет**.

Этот список могут дополнить имена, заимствованные из Танаха разными языками, в том числе и русским. Ограничимся лишь некоторыми: Мария, Михаил, Захар, Елизавета, Семен, Анна, Тамара, Иван, Данила, Иммануил, Яков, Вениамин, Гаврила, Елисей, Илья, Иосиф, Савелий, Лия, Еремей.

К сказанному стоит добавить, что и буквы **Ш**, **Щ** и **Ц** были заимствованы из иврита братьями Кириллом и Мефодием при создании ими славянского алфавита.

Но это история. А как сейчас складываются отношения между этими двумя языками? Влияет ли иврит на русский язык в настоящее время? С полной уверенностью можно сказать, что его влияние ограничивается проникновением в русский безэквивалентной лексики, обозначающей различные реалии израильской жизни. И это связано с политическими событиями, развивающимися культурными связями, с появлением все большего числа переводов ивритской литературы на русский язык.

А вот влияние иврита на язык русскоговорящей диаспоры в Израиле заслуживает внимания. В настоящее время в Израиле проживает около 1 млн русскоговорящих израильтян, и отношения репатриантов с ивритом складываются по-разному. В той или иной степени всех их можно считать билингвами, но диапазон коммуникативных ситуаций и набор языковых средств у всех различен. Русский язык сохраняют все его носители, репатриировавшиеся в страну во взрослом возрасте, хотя их русский претерпевает различного рода изменения, связанные с длительностью проживания в Израиле, степенью владения ивритом и частотой его использования, что, в свою очередь, зависит от места проживания и профессиональной деятельности. Те же, кто приехал в Израиль детьми или родился здесь, владеют (овладевают) неким израильским вариантом русского языка, испытывающим сильнейшее влияние иврита. Это влияние проявляется и в произношении (в частности, интонация, свойственная ивриту, побеждает безоговорочно), и в синтаксисе предложений, и в использовании калек с иврита.

Условия двуязычия влияют на речь всех носителей русского языка, но степень этого влияния различна. И, как правило, по нашему мнению, чем лучше человек знает иврит, тем упорнее он старается сохранить правильный и красивый русский, не смешивает оба языка, а выбирает один из двух в зависимости от коммуникативной ситуации.

Так чем же характеризуется разговорная речь определенной части русскоговорящего населения Израиля и чем зачастую изобилует русскоязычная пресса, реклама на русском языке, титры, синхронные переводы новостей и речь дикторов на русскоязычном канале израильского телевидения?

Естественно, что все нижесказанное имеет место при наличии двуязычной коммуникативной ситуации, когда говорящие используют возможности двух известных им языков. Т. е. диалог ведется на русском с ивритскими лексическими и фразеологическими вкраплениями, подчиненными грамматическим законам словоизменения русского языка, иногда с использованием синтаксических структур, построенных по аналогии с ивритскими.

Часть ивритских слов, часто слышимых в русской речи, связана с географическими, культурными и бытовыми реалиями, а также с именами собственными – названиями организаций, газет, телепрограмм и т. п., что можно считать вполне оправданным, т. к. представляет собой безэквивалентную лексику, понятную и не

нуждающуюся в описательном переводе, как это необходимо для людей, не знакомых с жизнью в Израиле. Это слова: **кнессет, хула, пита, шакишка, хумус, кипа, бурекас, купат холим, битгах хова (макиф)** и др.

Ко второй группе мы относим те слова, которые без труда могут быть переведены на русский эквивалентными лексическими единицами, и их использование представляется излишним. **Тахана мерказит** (центральная автобусная станция), **мишгара** (полиция), **ханут** (магазин), **мусах** (сараж), **типуль** (уход, осмотр), **мэтапэлэт** (няня, сиделка), **шук** (рынок), **хатуна** (свадьба), **улам** (зал торжеств) и масса других аналогичных слов. Порой можно слышать предложения, наполовину состоящие из ивритских слов, полностью подчиненных грамматическим законам русского языка, т. е. слова иврита, никогда не изменяющие окончаний, неожиданно получают иное звучание в сочетании с падежными окончаниями русских существительных: *Машина была в мусахе на типуле. Встретимся на тахане мерказит. У нашего ребенка новая метапелет. Я был на шукке. Мы идем на хатуну. Хатуна будет в новом уламе.*

Наблюдается и образование глаголов по русским моделям от ивритского корня: *иомерить* (охранять, сторожить), *метапелить* (ухаживать), *никаёнить* (заниматься уборкой). Но нами не было замечено подобных новообразований, обозначающих более престижный род занятий.

Менее заметными, на первый взгляд, но не менее значимыми являются нередкие случаи нарушения порядка слов в предложении под влиянием иврита, нарушения глагольно-именной и семантической сочетаемости слов. Это наблюдается не только в разговорной речи (в констукциях типа: *Я не знаю, или он придет сегодня; Это берет время; Ему дали укол.*), но проникает и в письменную речь – газеты, переводы статей и художественной литературы.

И вот в переводах появляются фразы типа: *Когда исполнилось мне 8 лет, брат мой Эммануэль был переведен из нашей общей детской. Мой муж купил просторный книжный шкаф. Мы не знали, что цветы в вазонах склонны к увяданию. И все же я решила удалить его кровать из комнаты. Грядет осень. Мы между собой порешили, что выкрасим стены в веселые тона. Я клянусь собой (вместо ругаю) на этом языке.*

Мы абсолютно уверены, что в сохранении родного языка и освоении нового языка и новой культуры огромную роль играет отношение каждого эмигранта (в Израиле – репатрианта) к этой новой культуре и языку, который дает возможность с ней познакомиться. Насколько сознательно он это делает, велико ли его желание стать частью той страны, в которой он живет, в которой он живет, узнать и понять ее культуру, ментальность, познакомиться с литературой не в переводе, а на языке оригинала.

Здесь каждый делает свой выбор. И либо продолжает жить в привычной языковой среде периодически нарушаемой вторжением второго языка (которому не всегда рады) и в полной уверенности, что не существует другой литературы и культуры, кроме уже знакомой ему, либо он становится полноправным участником новой языковой и культурной жизни, узнает новый мир, владея не конкурирующими друг с другом языками, а помогающими ему по-новому взглянуть на свой родной язык и сохранить его.

В статье были затронуты лишь некоторые аспекты взаимодействия русского языка и иврита на современном этапе. Исследования в этом направлении представляются актуальными и требуют всестороннего описания языковых процессов, протекающих как в среде русскоговорящих, так и среди ивритоговорящих израильтян, изучающих русский язык .

Использованная литература

1. Гури И. Иврит и русский: языки далекие и близкие // Очерки истории иврита. Сборник статей. – Тель-Авив: Иврус, 2000. – С. 79-109.
2. Гури И. Источники фразеологии современного иврита // Иврит – язык возрожденный. Сборник статей. – Иерусалим: Библиотека – Алия, 1990. – С.139-155.
3. Москович В. Русско-ивритские языковые контакты // Иврит – язык возрожденный. Сборник статей. – Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990. – С. 157-176.
4. Подольский Б. Беседы об иврите и о многом другом. – Тель-Авив: СэфэрИзраэль, 2004. – С. 148-180.
5. Бахат Ш., Мишор М. Милон баһовэ. Милон шимуши лэиврит тикнит. – Ирушалаим: Сифрит Маарив вЭИтав, 1995 (Современный словарь. Практический словарь нормированного иврита).
6. Moskovich, Wolf (1978): Interference of Hebrew and Russian in Israel // Slavica Hierosolymitana. – Jerusalem: V. 2, 215-234.

Роменська А. В.

СПІЛЬНІСТЬ ВОКАБУЛЯРУ ФРАНЦУЗЬКОЇ ТА УКРАЇНСЬКОЇ МОВ (СЕМАНТИКО-ЕТИМОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ)

Явище, про яке йдеться, пов'язане з проблемою мовних контактів. З давніх давен перетинання та взаємодія різномовних людей призводили до різноманітних наслідків щодо їхньої рідної мови. Взаємні проникнення існують у вигляді запозичень або у вигляді так званого «сліду» [1], або інакше паралельного існування тієї ж самої прадавньої форми слова в різних мовах, де ця форма змінюється та розвивається за законами мови – запозичувачки, зберігаючи при цьому початкову семантичну складову.

Між тим фондом, який складається з запозичень, що як такі фіксуються в лексикографічних джерелах та становлять біля 10% у кожній мові, і основним лексичним лексиконом, насиченим відголосами прадавніх коренів, є значна різниця. Лексеми спільного походження не фіксуються як запозичення, мати всі ознаки автохтонних, одвічних, мати розгалужену систему словотворення, залишаються не поміченими в тлумачних словниках. Вони виявляються тільки при етимологічному дослідженні.

Прадавній лексичний склад французької мови майже стовідсотково склався з кореневих морфем латини. Інші мови, що склалися на території Європи, зазнали впливу латинської мови, її лексичних одиниць, в тому числі через французьку мову, або ще через посередництво інших мов.

Через давні запозичення процеси асиміляції та адаптації, багато з лексем, спільних у французькій та українській мовах, виявилися невпізнанно зміненими, що дозволяє вважати їх питомими українськими словами. Така доля особливо торкнулася того фонду, який є спільним для груп споріднених мов. У східно-слов'янських